

А. Г. КОЛЕСНИКОВ

Российский институт театрального
искусства – ГИТИС,
Москва, Россия

ALEXANDER KOLESNIKOV

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS),
Moscow, Russia

ЕГО ПРИМЕР – ДРУГИМ НАУКА. ПАМЯТИ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА ВАНСЛОВА (1923–2019)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена памяти выдающегося мыслителя, эстетика, искусствоведа В. В. Ванслова (1923–2019). На протяжении нескольких десятилетий его книги являются надежным источником знаний по разным видам и областям искусства и художественного творчества – музыки, изобразительного искусства, балета. Автор предлагает обзор основных этапов жизни ученого, подробно останавливаясь на его теоретическом вкладе в балетную критику и театроведение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. В. Ванслов, балет, балетоведение, история науки.

LET OTHERS LEARN FROM HIS EXAMPLE. IN MEMORY OF VICTOR VLADIMIROVICH VANTSLOV (1923–2019)

ABSTRACT

The article is dedicated to the memory of an outstanding thinker, aesthetics, art critic Vladimir Vanslov (1923–2019). For several decades, his books have been a reliable source of knowledge on various topics. The author reviews the life of the scientist, dwelling in detail on his theoretical contribution to ballet criticism and theater studies.

KEYWORDS: V. V. Vanslov, ballet, history of science, ballet science.

Академик Российской академии художеств, доктор искусствоведения, эстетик, музыковед, балетовед и художественный критик Виктор Владимирович Ванслов ушел от нас на 97-м году предельно насыщенной и содержательной жизни. Его день мы представляли довольно хорошо – он знал накануне, где и во сколько будет завтра, что прочтет, доложит, напишет, просмотрит, отрецензирует, проконтролирует, посоветует, отсоветует... Над чем задумается – за столом или инструментом, во время прогулки в скверике у своего кооперативного композиторского дома. Его способность занимать себя делом проявлялась в перспективном планировании (как сегодня говорят) и в повседневности. Не припомню, чтобы у него «что-то пошло не так...» Мало что откладывал на потом, даже ускорял какие-то процессы у тех, в кого верил, кого хотел продвинуть, в ком спровоцировать результат. Можно

сказать, это сторона характера. А можно – врожденная способность к неостановимой мыслительной деятельности. В понедельник утром вы принесли ему главу в 90 страниц, он обещал прочитать к субботе, но уже на следующий день, во вторник утром сам звонил, что прочитал: «Приходите, будем разговаривать». К моменту прихода на столе лежал аккуратно им написанный листок, где по страницам указывалось – не точный термин, снижающая коннотация, добавить сноску на переложение музыки для иного состава, пропуск логических звеньев и даже – о, Боже! – отсутствие флейты-пикколо в оркестровке (она к тому времени эволюции театрального оркестра уже там должна была бы быть).

Его системность сражала наповал. Но и рождала абсолютное спокойствие – проверено, подтверждено, безбоязненно двигайся дальше. К каким-то вопросам и людям он подходил с разумной схоластичностью, к каким-то с большей императивностью. Но чаще всего – с восторгом, неотрывным от его любимых занятий музыкой, живописью и театром. Кажется, он с молодости окружал себя такими людьми, включая их в свои рассуждения, и из них потом рождались статьи и книги – Хачатурян, Рындин, Вирсаладзе, Григорович. Или они его так или иначе окружали, образуя многолетний союз.

Ванслов был и остался известен уникальной принадлежностью к нескольким научным дисциплинам и творческим цехам: эстетике, музыке, изобразительному и театрально-декорационному искусству, опере, балету. Две последние в его жизни диссертации в ГИТИСе, которым он оппонировал, были – одна про неовенскую оперетту, вторая – про черкесские танцы.

Легче всего сейчас эту свободу в каждой из областей искусства отнести на счет гигантской эрудиции, способностей памяти, постоянных занятий и самосовершенствования. Да, так. Но, думается, дело все же в ином – в Методологии. С большой буквы. Ведь он с молодости занимался общей теорией искусства, закономерностями, поиском общего, объединяющего разные направления художественного творчества. Идеал, форма, композиция, ритм, темп, динамика, развитие (драматургия), действие (остановка, сгущение и разрежение), выразительность и изобразительность, фактура (музыкальная, хореографическая, живописная и декорационная) и пр. Базовые принципы познавались им и выявляли потом себя у разных художников-творцов, за которых Ванслов брался.

Есть и другое объяснение его феномена: «Трудно сказать, как распределялись и перераспределялись приоритеты ученого – что было в начале, и что последовало затем, – писал о нем Юрий Григорович. – В том, как и чем занимался Ванслов, есть, безусловно, своя последовательность и логика, но, кажется, в нем всегда превалировало симфоническое, пользуясь музыкальным термином, начало бытия. Он воспринимал жизнь искусства в ее многоголосии, скрещении мотивов, развитии главных и побочных тем. Он различал и запоминал все это бесконечное движение и фиксировал в своих трудах. Фиксировал очень строго, не поддаваясь сиюминутному, но стремясь найти тому или иному явлению его собственное, исторически значимое место, пусть и не сразу. Кто-то еще схватывал и «перемывал» дразнящие тенденции момента, осваивался с новой художественной реальностью. Кто-то только садился за статью, а Ванслов уже заканчивал книгу» [1, с. 9].

В его трудах, кажется, нет недоговоренностей – абсолютная аналитическая стройность, почти исчерпывающая логика суждений. Хотя, бывает, она вроде и не очень уместна в тонких материях (особенно, музыкальных) – но он искал ее и не стеснялся отступить от собственных прежних суждений или уточнить то, что уже проверено временем. И даже покаяться! В 50-х гг. он, по его воспоминаниям, «переживал сложный душевный кризис» и, как ни странно, «при моем прежнем увлечении творчеством Шостаковича, я не смог сразу верно понять и оценить Десятую симфонию, и на одном из обсуждений поспешил превратно высказаться о ней. Весьма сожалею об этом, ибо вскоре эта симфония стала одним из моих любимых произведений. . . Но это послужило мне хорошим уроком, из которого я сделал выводы. Впоследствии я стремился к тому, чтобы никогда уже не совершать ошибок в оценке новых художественных явлений в любом виде искусства, и хочу надеяться, что мне это удалось» [2, с. 185]. Подумать только, каким грехом тяготился – не понял сразу симфонию, превратно высказался 50 лет назад, извлек хороший урок, не совершать ошибок. . . Слова будто из инопланетной жизни. Иногда казалось, что он действительно пребывает в идеальном пространстве собственных дум о прекрасном. Замечательно, что кто-то там еще пребывал и держал высокую норму отношений с искусством, не позволяя случайности вторгнуться в него.

Еще одна важная сторона его научной модели: возврат на новом историческом этапе к уже им описанным явлениям искусства. Вроде бы она довольно известна и естественна, но одновременно и довольно редка сегодня. В лучшем случае мы сталкиваемся с наглым и скандальным пересмотром отечественной истории и истории культуры в целях обострения ситуации вокруг того или иного имени, проблемы и пр. А на самом деле, для того чтобы напомнить о себе, разжечь быстро и громко интерес вокруг собственной персоны или свести счеты с прошлым. Ванслов абсолютно чужд подобным мыслям в своих трудах, особенно последнего десятилетия: «О музыке и музыкантах» (2006), «О музыке и о балете» (2007), «Волшебник театральной сцены – художник Вирсаладзе» (2008), «Хореограф Юрий Григорович» (2009), «В мире балета» (2010) и др. Пересмотр и уточнение позиции он производил многократно, порой, безжалостно к написанному. Я вспомнил как-то об одной из его первых книг «Опера и ее сценическое воплощение» (1963) – он махнул рукой, перестаньте, надо все писать заново. В другой раз речь зашла о многотомной «Истории эстетической мысли» (1985–1987), где он был членом редколлегии и автором статей; и то же самое: «нужно иначе. . .».

В связи с этой его особенностью стоит более подробно остановиться на книге «Балеты Григоровича и проблемы хореографии» (1968, 2-е изд. 1971). То был случай беспрецедентный в науке. До нее литература о балете развивалась у нас в основном как историческая (А. А. Бахрушин, Ю. И. Слонимский, В. М. Красовская, Г. Н. Добровольская), мемуарная (много имен) и методическая (А. Я. Ваганова, А. В. Ширяев, А. И. Бочаров, А. В. Лопухов, А. А. Писарев, В. С. Костровицкая и др.). Ванслов мало того что выпускает в строгом научном стиле монографию о молодом современнике (не о классике прошлого века), так при этом закладывает в нее важнейшие теоретические основы анализа балетного спектакля как такового. Как ни странно, в российском театроведении этого не было до появления

двух резонансных сборников: «Статьи о балете» В. М. Красовской и «О балете» П. М. Карпа (оба – 1967, соредактором последнего выступил Ванслов). Позже, в один год выйдут два важнейших в теоретическом плане сборника: П. Карп «Балет и драма» и В. Ванслов «Статьи о балете» (оба – в 1980-м). Их прямой предшественник в теоретическом изучении балета в строгом смысле только один Б. В. Асафьев, давший блестящие разборы музыки для танца, но собственно танец не затрагивавший. Ванслов учился у Асафьева в Московской консерватории и был издательским редактором его книг: «Григ» (1948) и второго тома «Избранных трудов» (1954).

Ванслов по сути первым в нашей науке, именно в книге о Григоровиче соединяет в анализе музыкальную партитуру и хореографическую. Это первое в нашей литературе отрицание рецензентской оценочности и приблизительности (грациозно, изящно, лирично, проникновенно и пр.) Это – подробное, методологически обстоятельное и бесспорное обновление подхода к балету и одновременно введение балета как искусства в лоно академической науки. Что в общем логично – с появлением хореографии Григоровича обнаружилась и задача обновления критического исследовательского инструментария, словно годы копившегося сценического материала и родившаяся на его основе инновационная эстетика современного балета породили и его осмысление. Представим к тому же, что годом ранее Ванслов выпускает важнейшую в его творчестве книгу «Эстетика романтизма» (1966). Юрий Борев назвал ее одной из главных книг XX в. Оба труда создавались параллельно. Такое возможно потому, что в основе каждого – многолетние наблюдения за художественным процессом. Продуктивность Ванслова баснословна, я это понял при составлении его библиографии и ее последующем через пять лет переиздании, когда к его и без того необъятному списку нужно было прибавить еще несколько страниц [3].

Книга Ванслова о Григоровиче начинается с обширного многостраничного зачина, без которого не понять смысла произошедших на рубеже 1950–1960-х гг. событий в балете. Он долго подходит к герою, объясняет социально-исторический контекст, предшествующую ситуацию в творческом цехе, многое другое, чтобы раскрыть новаторство хореографа и смысл поистине революционного перелома в искусстве сценического танца. И это, повторим, когда творчество Григоровича, хоть и признанное, обретшее всеобщий интерес, все же далеко не завершено, а только разворачивается.

И Ванслов продолжает исследовательскую работу – во втором издании, через три года проверят собственные мысли о хореографе и выстраивает развитие его творчества уже на новом, добавленном художественном материале балетов «Лебединое озеро» и «Спартак». С той же методологической обстоятельностью, стараясь избежать пафоса восхищения талантом хореографа, он по-прежнему занимается балетом как синтетическим искусством, включая в свои рассуждения и связывая воедино: музыку (основа балетного спектакля), хореографию (основное средство выражения смысла), сценографию и костюмы (обязательные элементы замысла). Опять-таки, что здесь особенного, на сегодняшний взгляд? А то, что идея художественного синтеза не так просто утверждалась

в сценической практике, равно как и в балетоведении. Тот же Григорович вспоминал, как, придя в 1946 г. в труппу Кировского театра как солист и в труппу Большого театра в 1959 г. как балетмейстер-постановщик, увидел примерно одну и ту же картину: высокое индивидуальное мастерство при довольно среднем качестве спектакля как такового, как целого. Он писал: «Исполнительство мирилось с отсутствием эстетики, во всяком случае, современной эстетики. Балет, накопивший к тому времени огромные ценности, мыслит сам себя в очень узком смысловом и художественном контексте. Он переживал собственные цеховые революции и эволюции, смены вех, он развивался, на месте не стоял, – но это было развитие словно в замкнутом пространстве. В начале 1960-х более явные изменения в балетном театре все же стали происходить. В этот момент и выступает Ванслов как теоретик балета и говорит о нем свое веское слово» [1, с. 10].

Но Ванслов в третий раз издает монографию о Григоровиче, через полвека после первого издания: «Хореограф Юрий Григорович» (2009). Предисловие сведено к одной странице, основное место отдано следующим, кульминационным сочинениям 1970–1990-х гг.: «Иван Грозный», «Ангара», «Ромео и Джульетта», «Золотой век», новым редакциям наследия: «Спящая красавица», «Жизель», «Раймонда», «Баядерка», «Корсар», «Дон Кихот», «Тщетная предосторожность». Он ищет полноту, обозревая уже завершённый путь Григоровича-хореографа. Созданный им театр находит адекватного критика и теоретика.

Ни на один год Ванслов не оставлял огромную осмысляющую работу над темой балета, развивая ее уже на примерах других артистов и хореографов. Он писал также о В. Бурмейстере, П. Гусеве, Н. Касаткиной и В. Василёве, Дж. Баланчине, Дж. Ноймайере, И. Бельском, О. Виноградове, Ю. Жданове, Г. Майорове, Н. Бессмертновой, М. Леоновой, Н. Цискаридзе. Он довел свое совокупное повествование о балете до 2018 г., когда уже несколько раз сменилось поколение артистов, хореографов, сценографов; когда сами спектакли стали именоваться проектами, лабораториями, мастерскими, а то и просто читками; когда обычная предварительная работа с материалом стала именоваться концептуальным искусством; когда рядом с оперным режиссером или хореографом появилась специальная фигура драматурга, истолковывающая этому режиссеру и хореографу смысл того, что он ставит, иначе он не поставит; когда самое сценическое пространство стало меняться вплоть до его исчезновения, когда... в общем, каждый может продолжить мысль.

Как относился Виктор Владимирович к меняющейся вокруг него театрально-балетной атмосфере? Он смотрел на нее как бы немного из космоса. Всегда с легкой улыбкой плыл на балетных конкурсах или премьерах мимо тех или иных групп и группочек театральной общественности, обособленной каждая в свой кружок по интересам. Иногда подходил сам: «Ну, что, молодежь?!» И мы (которым было уже сильно за сорок), обступали его и осыпали вопросами и доводами. И он включался в спор моментально, расставляя все по местам и снимая недоразумения. Спокойно объяснял и про черный квадрат, и про «Красный мак», и про «Зеленый стол»¹, и про «Бубновый валет», и про «Пиковую даму» и еще Бог знает про что. Он даже мог объяснить, что такое

¹ Экспрессионистский балет немецкого хореографа Курта Йосса на муз. Фрица Коэна, 1932.

социалистический реализм! (Тем, кто не успел родиться.) Его отзывчивость была редкостной. Его человеческое обаяние было столь же огромным, как и его научное наследие.

И в малых критических жанрах (газетно-журнальных рецензиях и заметках) он рассматривал проблему широко, опирая ее на главные постулаты: музыкально-хореографическая драматургия балетного спектакля, танцевальное действие и симфонический танец, обновление языка классического танца на основе его внутренних закономерностей и изобразительное решение балетного спектакля. В этом, собственно, его система, базовые элементы оставленного им учения. Если обобщать совсем емко, то он раз и навсегда включил балет в сферу большой эстетики, поставил его в ряд фундаментальных национальных культурных и научных ценностей. До него искусство сценического танца рассматривалось только в связи с сопредельными художественными сферами, музыкой, прежде всего.

Внесенное им в театроведение было предварительно проверено на практике и зафиксировано в собственных трудах. Могу свидетельствовать – он ответственно относился не только к чужим, но и к собственным рукописям. Мне довелось быть издательским редактором двух его книг последнего периода, которым он придавал итоговое значение, понимая, что не только его герои будут по ним опознавать, но и его самого как автора: «Волшебник театральной сцены – художник Вирсаладзе» (2008) и «Хореограф Юрий Григорович» (2009). Его звонок утром был первым, в этом можно было не сомневаться. Как и в том, что листок с карандашом уже лежат перед ним, и он запишет все возникающие (постранично) вопросы, чтобы их сразу снять и идти дальше. Он практически ежедневно, если не ежечасно работал над всем, что требовалось, не терпя отлагательств: книги и рукописи должны быть прочитаны и отрецензированы, спектакли просмотрены, музыка прослушана, доклад сделан, заказы редакций выполнены, ученые заседания и деловые переговоры проведены, письма подписаны, счета оплачены, люди в институте расставлены, планы сверстаны, сметы утверждены и т. д.²

В его жизни, скажем об этом особо, светлое место было отведено ГИТИСу. Он любил наш диссертационный совет, находил в нем некую живость. То ли отвлекался от дел живописи и ваяния в Академии художеств на Пречистенке (где проработал 50 лет, из них 25 – директором НИИ теории и истории изобразительных искусств), то ли вспоминал свою молодость и бесконечные командировки по театрам от ВТО с просмотрами и обсуждениями спектаклей на труппе? Он всегда с радостным оживлением вспоминал 1960-е гг., когда был легок на подъем и когда такие командировки были нормой театрального сообщества. (Сейчас, зайдя в STD, из каждого кабинета слышишь одно и то же: «Денег нет, денег нет...».) Так или иначе в ГИТИС он шел пешком, это рядом с домом, и с удовольствием. Все, кто знал Ванслова только по его появлениям в Малом Кисловском переулке, думаю, были согреты его обаянием и его умением побуждать людей нашей профессии к поступкам только прекрасным и мыслям только возвышенным.

² Он и посмертное свое бытие расписал подробно – в какие библиотеки и архивы что отходит, в каком храме отпевание, в каком ресторане поминки, кто доверенное лицо, кому звонить прежде всего и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорович Ю. Многогранный ученый // Действительный член Российской академии художеств Виктор Владимирович Ванслов: К 90-летию со дня рождения: Биобиблиографические материалы. Отв. редактор, А. Г. Колесников. М.: Театралис, 2013. 2-е изд., доп. С. 8–15.
2. Ванслов В. О музыке и музыкантах. М.: Знание. 2006. – 224 с.
3. Действительный член Российской академии художеств Виктор Владимирович Ванслов: К 90-летию со дня рождения: Биобиблиографические материалы. Отв. ред. А. Г. Колесников. М.: Театралис, 2013. – 72 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Александр Геннадьевич – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Российского института театрального искусства – ГИТИС.

E-mail: edvin8@list.ru

ORCID: 0000-0002-5519-2850

Колесников А. Г. Его пример – другим наука. Памяти Виктора Владимировича Ванслова (1923–2019) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2019. № 3. С. 185–191.

DOI: 10.35852/2588-0144-2019-3-185-191

REFERENCES

1. Grigorovich Y. *Mnogogrannyj uchenyj* [Multifaceted scientist]. In: // *Dejstvitel'nyj chlen Rossijskoj akademii budozhstv Viktor Vladimirovich Vanslov: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya: Biobibliograficheskie materialy*. Otv. redaktor, A. G. Kolesnikov [Full member of the Russian Academy of Arts Viktor Vladimirovich Vanslov: On the occasion of the 90th birthday: Biobibliographic materials by Alexander Kolesnikov]. Moscow: Teatrslis Publ., 2013. Pp. 8–15.
2. Vanslov V. *O muzyke i muzykantab* [About music and musicians]. Moscow: Znanie Publ., 2006. 224 p.
3. *Dejstvitel'nyj chlen Rossijskoj akademii budozhstv Viktor Vladimirovich Vanslov: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya: Biobibliograficheskie materialy*. Otv. redaktor, A. G. Kolesnikov [Full member of the Russian Academy of Arts Viktor Vladimirovich Vanslov: On the occasion of the 90th birthday: Biobibliographic materials by Alexander Kolesnikov]. Moscow: Teatrslis Publ., 2013. 72 p.

ABOUT THE AUTHOR

Alexander Kolesnikov – *Dr. habil in Arts, professor, Russian Institute of Theatre Arts (GITIS)*.

E-mail: edvin8@list.ru

ORCID: 0000-0002-5519-2850

Kolesnikov A. G. *Let others learn from his example. In memory of Victor Vladimirovich Vantslov (1923–2019)*. In: *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 2019, no. 3, pp. 185–191.

DOI: 10.35852/2588-0144-2019-3-185-191